

АРИСТОТЕЛЬ

РИТОРИКА

НЕ УБЕЖДАТЬ,
НО В КАЖДОМ
ОТДЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ
НАХОДИТЬ СПОСОБЫ
УБЕЖДЕНИЯ

В Е Л И К И Е И Д Е И

Аристотель

Риторика

Серия «Великие идеи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7344035

Риторика: [перевод с древнегреческого М. Платоновой] / Аристотель.:

«Э»; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-82974-3

Аннотация

Аристотель – древнегреческий ученый, философ, основоположник формальной логики. Первым создал всестороннюю философскую систему, охватившую все сферы существования. Его учение считается обобщающим и завершающим греческую философию.

«Риторика» Аристотеля – это наиболее глубокое и систематизированное исследование проблем ораторского искусства, ставшее большим культурным и научным событием. Трактат разделен на три части: первая посвящена предмету риторики и видам ораторских речей. Во второй речь идет о личных свойствах оратора и о «причинах, возбуждающих доверие к говорящему». Третья часть касается технической стороны риторики.

Как и другие книги серии «Великие идеи», книга будет просто незаменима в библиотеке студентов гуманитарных

специальностей, а также для желающих познакомиться с ключевыми произведениями и идеями мировой философии и культуры.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Античный энциклопедист	8
Предисловие	9
Риторика	11
Книга первая	11
1	11
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

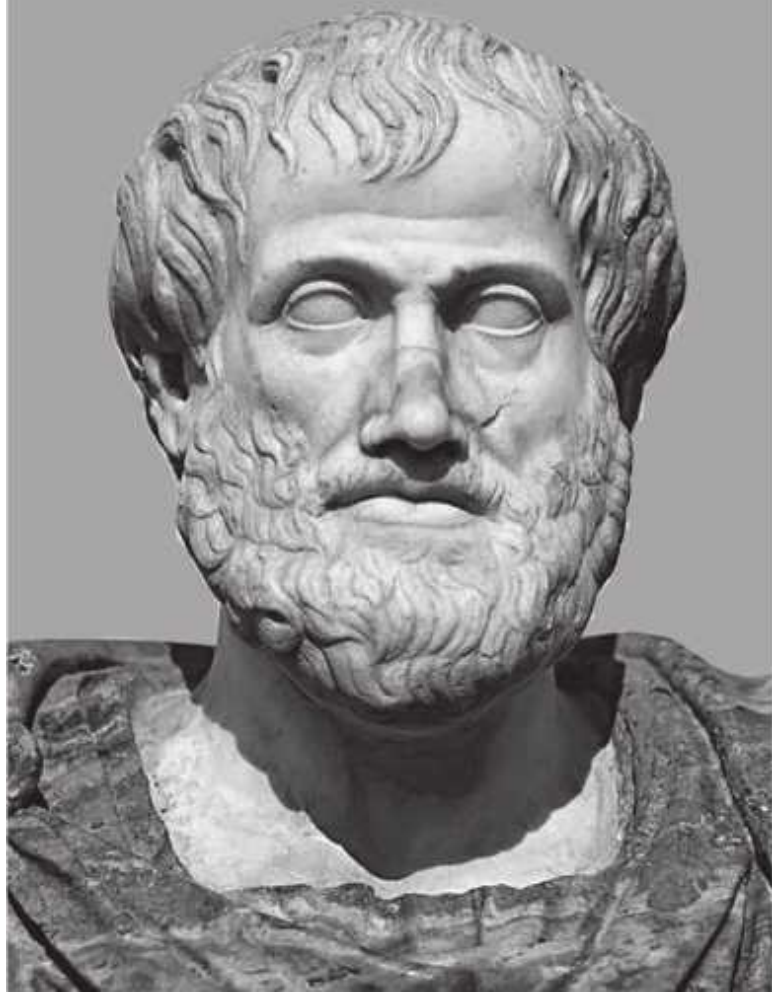
Аристотель

Риторика

По Аристотелю, цель ораторского искусства:

1. Выявить истину
2. Найти способы убедить слушателей
3. Говорить поэтично и благозвучно
4. Пробудить в слушателях бурные эмоции

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу...

Аристотель

384–322 до н. э.

Античный энциклопедист

Аристотель – древнегреческий философ, основоположник формальной логики, ученый. Первым классифицировал научные дисциплины в философии и создал понятийную систему, охватившую все сферы знаний. Учение Аристотеля обобщает и фактически завершает античную философию.

384 г. до н. э. – Родился в городе Стагир, греческой колонии в македонских Халкидиках.

369 г. до н. э. – Родители Аристотеля погибли, его опекуном стал Проксен.

367 г. до н. э. – Переехал в Афины и стал учеником Платона.

347 г. до н. э. – Во время поездки в Малую Азию женился на Пифиаде.

343 г. до н. э. – Македонский царь Филипп II пригласил Аристотеля стать воспитателем своего сына Александра.

335 г. до н. э. – Вернулся в Афины и основал Ликей – школу для философов.

323 г. до н. э. – После смерти Александра Македонского был вынужден покинуть Афины. С группой учеников он отправился в Халкиду.

322 г. до н. э. – Аристотель скончался от болезни желудка.

Предисловие

«Риторика» и поныне является основополагающей работой по ораторскому искусству и подлежит обязательному изучению филологами и юристами. До Аристотеля умение говорить речи было принято относить к специальным навыкам, необходимым лишь отдельным категориям граждан, например правителям и судьям. Великий философ рассматривал вопрос гораздо шире – в своем трактате он приводит читателей к мысли, что все мы постоянно применяем риторику в повседневной жизни, общаясь с другими людьми, доказывая им свою правоту в самых обычных бытовых ситуациях.

Определяя ораторское мастерство как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета», Аристотель стремился как можно полнее охватить тему.

«Риторика» состоит из трех частей (книг). В этом издании опубликованы наиболее доступные для понимания и позволяющие научиться искусству красноречия книги. В первой из них Аристотель раскрывает общие понятия и основные принципы риторики, а также выводит взаимозависимость элементов оратор – речь – аудитория. Вторая книга представлена до семнадцатой главы, где древнегреческий философ анализирует человеческие эмоции (любовь, стыд, страх, зависть и другие), разные типы характеров и говорит о путях

эмоционального воздействия на аудиторию, а также рассматривает качества, необходимые оратору. Третья книга посвящена технической стороне риторики, в данное издание она не вошла.

Написанная более двух тысяч лет назад, «Риторика» содержит множество ценных советов для всех, кто хочет научиться искусству убедительного изложения своих доводов и влияния на слушателей. Трактат публикуется в классическом переводе Н. Платоновой, выполненном в конце XIX века.

Риторика

Книга первая

1

Отношение риторики к диалектике. – Всеобщность риторики. – Возможность построить систему ораторского искусства? – Неудовлетворительность более ранних систем ораторского искусства. – Что должен доказывать оратор? – Закон должен по возможности все определять сам; причины этого. – Вопросы, подлежащие решению судьи. – Почему исследователи предпочитают говорить о речах судебных? – Отношение между силлогизмом и энтимемой. – Польза риторики, цель и область ее.

Риторика – искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого и которые не относятся к области какой-либо отдельной науки. Вследствие этого все люди некоторым образом причастны обоим искусствам, так как всем в известной мере приходится как разбирать, так и поддерживать ка-

кое-нибудь мнение, как оправдываться, так и обвинять. В этих случаях одни поступают случайно, другие действуют согласно со своими способностями, развитыми привычкою. Так как возможны оба эти пути, то, очевидно, можно возвести их в систему, поскольку мы можем рассматривать, вследствие чего достигают цели как те люди, которые руководятся привычкой, так и те, которые действуют случайно, а что подобное исследование есть дело искусства, с этим, вероятно, согласится каждый. До сих пор те, которые строили системы риторики, выполнили лишь незначительную часть своей задачи, так как в этой области только доказательства обладают признаками, свойственными ораторскому искусству, а все остальное не что иное, как аксессуары. Между тем авторы систем не говорят ни слова по поводу энтимем¹, которые составляют суть доказательства, много распространяясь в то же время о вещах, не относящихся к делу; в самом деле: клевета, сострадание, гнев и другие тому подобные движения души относятся не к рассматриваемому судьей делу, а к самому судье. Таким образом, если бы судопроизводство везде было поставлено так, как оно ныне поставлено в некоторых государствах, и преимущественно в тех, которые отличаются хорошим государственным устройством, эти теоретики не могли бы сказать ни слова. Все [одобряют такую

¹ *Энтимема* (от греч. *in thymos*, «в уме») – логическое умозаключение, в котором пропущена часть посылок или заключение, однако пропущенное подразумевается.

постановку судопроизводства, но] одни полагают, что дело закона произнести это запрещение, другие же действительно пользуются таким законом, не позволяя говорить ничего не относящегося к делу (так это делается и в Ареопаге). Такой порядок правилен, так как не следует, возбуждая в судье гнев, зависть и сострадание, смущать его: это значило бы то же, как если бы кто-нибудь искривил ту линейку, которой ему нужно пользоваться.

Кроме того, очевидно, что дело тяжущегося заключается не в чем другом, как в доказательстве самого факта: что он имеет или не имеет, имел или не имел место; что же касается вопросов, важен он или не важен, справедлив или не справедлив, то есть всего того, относительно чего не высказался законодатель, то об этом самому судье, конечно, следует иметь свое мнение, а не заимствовать его от тяжущихся.

Поэтому хорошо составленные законы главным образом должны, насколько возможно, все определять сами и оставлять как можно меньше произволу судей, во-первых, потому, что легче найти одного или немногих, чем многих таких людей, которые имеют правильный образ мыслей и способны издавать законы и изрекать приговоры. Кроме того, законы составляются людьми на основании долговременных размышлений, судебные же приговоры произносятся на скорую руку, так что трудно людям, отправляющим правосудие, хорошо различать справедливое и полезное.

«Люди от природы в достаточной мере способны к нахождению истины и по большей части находят ее»

Самая же главная причина заключается в том, что решение законодателя не относится к отдельным случаям, но касается будущего и имеет характер всеобщности, между тем как присяжные и судьи изрекают приговоры относительно настоящего, относительно отдельных случаев, с которыми часто находится в связи чувство любви или ненависти и сознание собственной пользы, так что они [судьи и присяжные] не могут с достаточной ясностью видеть истину: соображения своего собственного удовольствия и неудовольствия мешают правильному решению дела.

Итак, относительно всего прочего нужно предоставлять судье как можно меньше простора; что же касается вопросов, совершился известный факт или нет, совершится или нет, есть ли он в наличности или нет, то решение этих вопросов необходимо всецело предоставить судьям, так как законодатель не может предвидеть частных случаев.

Раз это так, очевидно, что те, которые [в своих рассуждениях] разбирают другие вопросы, например вопрос о том, каково должно быть содержание предисловия, или повествования, или каждой из других частей [речи], касаются вопросов, не относящихся к делу, потому что [авторы этих сочинений] рассуждают в таком случае только о том, как бы привести судью в известное настроение, ничего не говоря о

технических доказательствах, между тем как только таким путем можно сделаться способным к энтимемам. Вследствие всего этого, хотя и существует один и тот же метод для речей, обращаемых к народу, и для речей судебного характера, и хотя прекраснее и с государственной точки зрения выше первый род речей, чем речи, касающиеся сношений отдельных личностей между собой, – тем не менее исследователи ничего не говорят о первом роде речей, между тем как каждый из них пытается рассуждать о судебных речах.

Причина этому та, что в речах первого рода представляется менее полезным говорить вещи, не относящиеся к делу, а также и та, что первый род речей представляет менее простора для коварной софистики и имеет более общего интереса: здесь судья судит о делах, близко его касающихся, так что нужно только доказать, что дело именно таково, как говорит оратор. В судебных же речах этого недостаточно, но полезно еще расположить слушателя в свою пользу, потому что здесь решение судьи касается дел, ему чуждых, так что судьи, в сущности, не судят, но предоставляют дело самим тяжущимся, соблюдая при этом свою собственную выгоду и выслушивая пристрастно [показания тяжущихся]. Вследствие этого во многих государствах, как мы и раньше говорили, закон запрещает излагать не относящееся к делу, но там сами судьи в достаточной мере заботятся об этом.

«Если позорно не быть в состоянии помочь себе своим

телом, то не может не быть позорным бессилие помочь себе словом»

Так как очевидно, что правильный метод касается способов убеждения, а способ убеждения есть некоторого рода доказательство (ибо мы тогда всего более в чем-нибудь убеждаемся, когда нам представляется, что что-либо доказано), риторическое же доказательство есть энтимема, и это, вообще говоря, есть самый важный из способов убеждения, и так как очевидно, что энтимема есть некоторого рода силлогизм и что рассмотрение всякого рода силлогизмов относится к области диалектики – или в полном ее объеме, или какой-нибудь ее части, то ясно, что тот, кто обладает наибольшей способностью понимать, из чего и как составляется силлогизм, тот может быть и наиболее способным к энтимемам, если он к знанию силлогизмов присоединит знание того, чего касаются энтимемы, и того, чем они отличаются от чисто логических силлогизмов, потому что с помощью одной и той же способности мы познаем истину и подобие истины. Вместе с тем люди от природы в достаточной мере способны к нахождению истины и по большей части находят ее; вследствие этого находчивым в деле отыскивания правдоподобного должен быть тот, кто так же находчив в деле отыскивания самой истины.

Итак, очевидно, что другие авторы говорят в своих системах о том, что не относится к делу; ясно также и то, почему

они обращают внимание более на судебные речи.

Риторика полезна, потому что истина и справедливость по своей природе сильнее своих противоположностей, а если решения постановляются не должным образом, то истина и справедливость необходимо побеждаются своими противоположностями, что достойно порицания. Кроме того, если мы имеем даже самые точные знания, все-таки нелегко убеждать некоторых людей, говоря на основании этих знаний, потому что [оценить] речь, основанную на знании, есть дело образования, а здесь [перед толпой] это невозможно. Здесь мы непременно должны вести доказательства и рассуждения общедоступным путем, как мы говорили это и в «Топике» относительно обращения к толпе. Кроме того, необходимо уметь доказывать противоположное, так же как и в силлогизмах, не для того, чтобы действительно доказывать и то и другое, потому что не должно доказывать что-нибудь дурное, но для того, чтобы знать, как это делается, а также чтобы уметь опровергнуть, если кто-либо пользуется доказательствами несогласно с истиной.

Из остальных искусств ни одно не занимается выводами из противоположных посылок; только диалектика и риторика делают это, так как обе они в одинаковой степени имеют дело с противоположностями. Эти противоположности по своей природе не одинаковы, но всегда истина и то, что лучше по своей природе, более поддаются умозаключениям и, так сказать, обладают большей силой убедительности.

Сверх того, если позорно не быть в состоянии помочь себе своим телом, то не может не быть позорным бессилие помочь себе словом, так как пользование словом более свойственно человеческой природе, чем пользование телом. Если же кто-либо скажет, что человек, несправедливо пользующийся подобной способностью слова, может сделать много вреда, то это замечание можно [до некоторой степени] одинаково отнести ко всем благам, исключая добродетели, и преимущественно к тем, которые наиболее полезны, как, например, к силе, здоровью, богатству, военачальству: человек, пользуясь этими благами как следует, может принести много пользы, несправедливо же [пользуясь ими], может сделать очень много вреда.

Итак, очевидно, что риторика не касается какого-нибудь отдельного класса предметов, но, как и диалектика, [имеет отношение ко всем областям], а также что она полезна и что дело ее – не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения; то же можно заметить и относительно всех остальных искусств, ибо дело врачебного искусства, например, заключается не в том, чтобы делать всякого человека здоровым, но в том, чтобы, насколько возможно, приблизиться к этой цели, потому что вполне возможно хорошо лечить и таких людей, которые уже не могут выздороветь.

Кроме того, очевидно, что к области одного и того же искусства относится изучение как действительно убедительно-го, так и кажущегося убедительным, подобно тому, как к об-

ласти диалектики относится изучение как действительного, так и кажущегося силлогизма: человек делается софистом не в силу какой-нибудь особенной способности, а в силу намерения, с которым он пользуется своим дарованием. Впрочем, здесь [в риторике] имя ратора будет даваться сообразно как со знанием, так и с намерением [которое побуждает человека говорить]. Там же [в логике] софистом называется человек по своим намерениям, а диалектиком – не по своим намерениям, а по своим способностям.

Теперь попытаемся говорить уже о самом методе – каким образом и с помощью чего мы можем достигать поставленной цели. Итак, определив снова, как и в начале, что такое риторика, перейдем к дальнейшему изложению.

2

Место риторики среди других наук и искусств. – «Технические» (основанные на приемах риторики) и «нетехнические» (основанные на объективных данных) способы убеждения. – Три вида искусственных способов убеждения. – Риторика – отрасль диалектики и политики. – Пример и энтимема. – Анализ убедительного. – Вопросы, которыми занимается риторика. – Из чего выводятся энтимемы? – Определение вероятного. – Виды признаков. – Пример – риторическое наведение. – Общие места (topoi) и частные энтимемы.

Итак, определим риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета. Это не составляет задачи какого-нибудь другого искусства, потому что каждая другая наука может поучать и убеждать только относительно того, что принадлежит к ее области, как, например, врачебное искусство – относительно того, что способствует здоровью или ведет к болезни, геометрия – относительно возможных между величинами изменений, арифметика – относительно чисел; точно так же и остальные искусства и науки; риторика же, по-видимому, способна находить способы убеждения относительно каждого данного предмета, потому-то мы и говорим, что она не касается какого-нибудь частного, определенного класса предметов.

Из способов убеждения одни бывают «нетехнические», другие же «технические». «Нетехническими» я называю те способы убеждения, которые не нами изобретены, но существовали раньше [помимо нас]; сюда относятся: свидетели, показания, данные под пыткой, письменные договоры и т. п.; «техническими» же [я называю] те, которые могут быть созданы нами с помощью метода и наших собственных средств, так что первыми из доказательств нужно только пользоваться, вторые же нужно [предварительно] найти.

Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от ха-

рактера говорящего, другие – от того или другого настроения слушателя, третьи – от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании.

[Доказательство достигается] с помощью нравственного характера [говорящего] в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, ее произносящему, потому что вообще мы более и скорее верим людям хорошим, в тех же случаях, где нет ничего ясного и где есть место колебанию, – и подавно; и это должно быть не следствием ранее сложившегося убеждения, что говорящий обладает известными нравственными качествами, но следствием самой речи, так как несправедливо думать, как это делают некоторые из людей, занимающихся этим предметом, что в искусстве заключается и честность оратора, как будто она представляет собою, так сказать, самые веские доказательства.

«Необходимо уметь доказывать противоположное»

Доказательство находится в зависимости от самих слушателей, когда последние приходят в возбуждение под влиянием речи, потому что мы выносим различные решения под влиянием удовольствия и неудовольствия, любви или ненависти. Этих-то способов убеждения, повторяем, исключительно касаются нынешние теоретики словесного искусства. Каждого из этих способов в отдельности мы коснемся тогда, когда будем говорить о страстях.

Наконец, самая речь убеждает нас в том случае, когда оратор выводит действительную или кажущуюся истину из доводов, которые оказываются в наличии для каждого данного вопроса.

Поскольку доказательства осуществляются именно такими путями, то, очевидно, ими может пользоваться только человек, способный к умозаключениям и к исследованиям характеров, добродетелей и страстей – что такое каждая из страстей, какова она по своей природе и вследствие чего и каким образом появляется, – так что риторика оказывается как бы отраслью диалектики и той науки о нравах, которую справедливо назвать политикой. Вследствие этого-то риторика и принимает вид политики, и люди, считающие риторику своим достоянием, выдают себя за политиков, по причине ли невежества, или шарлатанства, или в силу других причин, свойственных человеческой природе. На самом деле, как мы говорили и в начале, риторика есть некоторая часть и подобие диалектики: и та и другая не есть наука о каком-нибудь определенном предмете, о том, какова его природа, но обе они – лишь методы для нахождения доказательств. Итак, мы, пожалуй, сказали достаточно о сущности этих наук и об их взаимных отношениях.

Что же касается способов доказывать действительным или кажущимся образом, то как в диалектике есть наведение², силлогизм и кажущийся силлогизм, точно также есть

² *Наведение* — индукция, метод рассуждения от частного к общему.

и здесь, потому что пример есть не что иное, как наведение, энтимема – силлогизм, кажущаяся энтимема – кажущийся силлогизм. Я называю энтимемой риторический силлогизм, а примером – риторическое наведение: ведь и все ораторы излагают свои доводы или приводя примеры, или строя энтимемы, и помимо этого не пользуются никакими способами доказательства.

Так что, если вообще необходимо доказать что бы то ни было путем или силлогизма, или наведения (а это очевидно для нас из «Аналитики»), то каждый из этих способов доказательства непременно совпадет с каждым из вышеназванных.

«Дело риторики не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения»

Что же касается различия между примером и энтимемой, то оно очевидно из «Топики», так как там ранее сказано о силлогизме и наведении: когда на основании многих подобных случаев выводится заключение относительно наличности какого-нибудь факта, то такое заключение там называется наведением, здесь – примером. Если же из наличности какого-нибудь факта заключают, что всегда или по большей части следствием наличности этого факта бывает наличность другого, отличного от него факта, то такое заключение называется там силлогизмом, здесь же энтимемой.

Очевидно, что тот и другой род риторической аргументации имеет свои достоинства. Что мы говорили в «Методике», то мы находим также и здесь: одни речи богаты примерами, другие – энтимемами; точно также и из ораторов одни склонны к примерам, другие – к энтимемам. Речи, наполненные примерами, не менее убедительны, но более впечатления производят речи, богатые энтимемами. Мы будем позднее говорить о причине этого, а также и о способе, как нужно пользоваться каждым из этих двух родов доводов. Теперь же определим точнее самую их сущность.

Убедительное должно быть таковым для какого-нибудь известного лица, и притом один род убедительного непосредственно сам по себе убеждает и внушает доверие, а другой род достигает этого потому, что кажется доказанным через посредство убедительного первого рода; но ни одно искусство не рассматривает частных случаев: например, медицина рассуждает не о том, что здорово для Сократа или для Каллия, а о том, что здорово для человека таких-то свойств или для людей таких-то; такого рода вопросы входят в область искусства, частные же случаи бесчисленны и не доступны знанию. Поэтому и риторика не рассматривает того, что является правдоподобным для отдельного лица, например для Сократа или Каллия, но имеет в виду то, что убедительно для всех людей, каковы они есть. Точно так же поступает и диалектика; это искусство не выводит заключений из чего попало (ведь и сумасшедшим кое-что кажется убе-

дительным), но только из того, что нуждается в обсуждении; подобно этому и риторика имеет дело с вопросами, о которых обычно советуются.

Она касается тех вопросов, о которых мы совещаемся, но относительно которых у нас нет строго определенных правил, и имеет в виду тех слушателей, которые не в состоянии охватывать сразу длинную нить рассуждений, ни выводить заключения издалека. Мы совещаемся относительно того, что, по-видимому, допускает возможность двоякого решения, потому что никто не совещається относительно тех вещей, которые не могут, не могли и в будущем не могут быть иными, раз мы их понимаем как таковые, – не совещаемся потому, что это ни к чему не ведет.

Делать заключения и выводить следствия можно, во-первых, из того, что раньше было уже доказано силлогистическим путем, а во-вторых, из положений, не доказанных ранее путем силлогизма и нуждающихся поэтому в подобном доказательстве, так как иначе они не представляются правдоподобными; в первом случае рассуждения не удобопонятны вследствие своей длины, потому что судья ведь предполагается человеком заурядным, а во втором они не убедительны, потому что имеют своим исходным пунктом положения необщепризнанные или неправдоподобные. Таким образом, энтимема и пример необходимо должны быть: первая – силлогизмом, второй – наведением касательно чего-нибудь такого, что вообще может иметь и другой исход. И энтимема,

и пример выводятся из немногих положений; часто их бывает меньше, чем при выведении первого силлогизма, потому что, если которое-нибудь из них общеизвестно, его не нужно приводить, так как его добавляет сам слушатель, например, для того, чтобы выразить мысль, что Дорией победил в состязании, наградой за которое служит венок, достаточно сказать, что он победил на Олимпийских играх, а что наградой за победу служит венок, этого прибавлять не нужно, потому что все это знают.

Есть немного необходимых положений, из которых выводятся риторические силлогизмы, потому что большая часть вещей, которых касаются споры и рассуждения, могут быть и иными [сравнительно с тем, что они есть], так как люди рассуждают и размышляют о том, что бывает объектом их деятельности, а вся их деятельность именно такова: ничто в ней не имеет характера необходимости, а то, что случается и происходит по большей части, непременно должно быть выведено из других положений подобного рода, точно также, как необходимое по своей природе должно быть выведено из необходимого (все это известно нам также из «Аналитики»). Отсюда ясно, что из числа тех положений, из которых выводятся энтимемы, одни имеют характер необходимости, другие – и такова большая часть их – характер случайности; таким образом, энтимемы выводятся из вероятного или из признаков, так что каждое из этих двух понятий необходимо совпадает с каждым другим из них.

Вероятное то, что случается по большей части, и не просто то, что случается, как определяют некоторые, но то, что может случиться и иначе; оно так относится к тому, по отношению к чему оно вероятно, как общее к частному.

Что касается признаков, то одни из них имеют значение общего по отношению к частному, другие – частного по отношению к общему; из них те, которые необходимо ведут к заключению, называются явными доказательствами; те же, которые не ведут necessarily к заключению, не имеют названия, которое соответствовало бы их отличительной черте.

Необходимо ведущими к заключению я называю те признаки, из которых образуется силлогизм. Отсюда-то подобный род признаков и называется явным доказательством (*tecmerion*),

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.